

18+

ЛЕОНИД МАЦУЙ

ФАНТОМ

Леонид Мацу́й

Фантом

«Издательские решения»

Мацуй Л.

Фантом / Л. Мацуй — «Издательские решения»,

Он потерял всё в детстве — дом, семью, прошлое. Он выжил, но не научился жить. Наука стала его единственным языком, а мечта о машине времени — навязчивой идеей. Первая попытка отняла у него зрение. Вторая — едва не отняла душу. Чип, вживлённый в надежде на исцеление, пробудил в нём агрессию, которую невозможно сдержать. Он стал Фантомом — тенью человека, который когда-то искал ответы. Путешествия во времени, потеря и обретение себя.

© Мацуй Л.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Фантом

Леонид Мацуй

Дизайнер обложки Леонид Мацуй

© Леонид Мацуй, 2026

© Леонид Мацуй, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-7227-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Село, в котором родился Леонид, не имело названия на картах. По крайней мере, он никогда не видел его ни на одной бумаге, ни на одном указателе. Старожилы называли его просто «у нас», а приезжие, которых здесь почти не бывало, обозначали его в разговорах как «там, за лесом». И этого было достаточно. Каждый знал, о чём речь, когда кто-то говорил: «В селе».

Это была небольшая россыпь домов, разбросанных по склонам холмов, с запада окаймлённая густым лесом, а с востока упиравшаяся в поле, которое летом колыхалось от ветра, а осенью становилось серым и мёртвым, как старая простыня. Дороги здесь были грунтовыми, и в дождь они превращались в жидкую грязь, в которой вязли даже сапоги. Леонид помнил, как возвращался из школы с мокрыми ногами, чувствуя, как вода просачивается сквозь стоптанные подошвы, и знал, что мать не скажет ни слова, потому что новые сапоги ей было не на что купить.

Дом, в котором он родился, стоял на краю села, почти у самого леса. Он был старым, с просевшей крышей и крыльцом, которое перекошилось настолько, что каждый раз, когда Леонид наступал на первую ступеньку, она жалобно скрипела, будто просила пощады. Стены дома когда-то были светло-серыми, но годы сделали их тёмными, почти угольными. Окна смотрели на мир мутными стёклами, через которые свет проникал с трудом, и внутри всегда было сумрачно, даже в солнечный день.

Отец Леонида, Виктор, был человеком молчаливым и тяжёлым. Он работал на ферме, вставал затемно и возвращался глубоко вечером, когда небо уже успело налиться чернотой. Леонид редко видел его лицо при дневном свете; он привык запоминать отца по запаху — машинное масло, сено, сухая земля и лёгкая горчинка дешёвого табака. Отец не обнимал его, не гладил по голове. Иногда, когда он проходил мимо, он мог положить тяжёлую ладонь на плечо Леонида и сказать: «Ничего, сын. Вырастешь — поймёшь». Леонид не знал, что именно должен понять, но кивал.

Мать, Клавдия, была совсем другой. Тихая, с бледным лицом и руками, которые никогда не знали покоя, она двигалась по дому бесшумно, как тень. Она стирала, гладила, мыла полы, ставила тесто, закрывала окна на ночь и открывала их утром, даже если за окном шёл дождь. Леонид часто ловил её взгляд, когда она думала, что никто не смотрит. В этом взгляде было что-то такое, что он не мог назвать, но что пугало его. Позже, уже взрослым, он понял: это была усталость, которая не проходит ни после сна, ни после отдыха. Это было чувство, что ты живёшь не свою жизнь.

По ночам, когда дом затихал, Леонид иногда слышал её плач. Она плакала тихо, почти беззвучно, так, что если бы он не знал, он мог бы подумать, что это ветер гуляет в трубах. Но он знал. Он лежал на своей кровати, глядя в чёрный потолок, и слушал. Ему хотелось войти к ней, сесть рядом, что-то сказать. Но он не знал, какие слова могли бы её утешить. И он оставался лежать, слушая её дыхание, пока она не затихала.

Школа в селе была такой же старой, как и всё остальное — одноэтажное здание с облупившейся краской и коридорами, которые пахли казённым мылом и промокшей одеждой. Леонид учился здесь с первого класса, и за все эти годы ни один учитель не запомнил его имени. Для них он был «тот мальчик, который молчит», или «Петров с последней парты». Он не обижался на это; он привык, что его не замечают.

Его одноклассники были другими. Громкими, подвижными, почти всегда готовыми посмеяться над тем, кто не такой, как они. Они бросали бумажки, рисовали на партах, перешёптывались на уроках и называли его «чокнутым» за то, что он смотрел в окно, а не на доску. Иногда кто-то из них толкал его в коридоре, когда проходил мимо, и говорил: «Дорогу

не видишь?» Леонид не отвечал. Он просто шагнул дальше, убирая руки в карманы и опуская голову. Он знал: если он ответит, они не отстанут. Лучше просто быть невидимым.

Единственным человеком в школе, который разговаривал с ним по-настоящему, был Павел Журавлёв. Павел был таким же тихим и незаметным, как и Леонид, но в нём чувствовалась какая-то внутренняя твёрдость, которой Леонид себе никогда не мог представить. Павел не боялся смотреть в глаза старшеклассникам, не боялся молчать, когда другие смеялись, и не боялся быть тем, кем он был. Леонид не знал, как Павлу это удавалось, но он знал, что рядом с Павлом ему было легче дышать.

Они встретились на перемене в четвёртом классе. Леонид стоял у окна на втором этаже, глядя на серое небо, и чувствовал, как внутри него поднимается знакомая тяжесть. Павел подошёл и встал рядом, не сказав ни слова. Они стояли так несколько минут, пока Павел не спросил: «Тоже не любишь это всё?» Леонид не понял вопроса, но кивнул. С тех пор они часто стояли у этого окна вместе. Иногда они говорили о школе, о домах, о том, что за лесом, наверное, есть другие города, где люди не смотрят на тебя так, будто ты с другой планеты. Иногда они молчали. Но даже в молчании было что-то важное. Что-то, что Леонид не мог объяснить словами.

Отец Павла работал в лесничестве, и иногда брал мальчиков с собой. Они ходили по тропам между сосен, слушали, как ветер шумит в кронах, и собирали грибы. Леонид любил эти дни. В лесу он чувствовал себя не чужим. Деревья не смотрели на него с осуждением, не шептались за спиной. Они просто стояли, высокие и молчаливые, и Леонид был среди них — ещё один молчаливый.

Однажды, когда они возвращались домой, Павел сказал: «Я хочу уехать отсюда». Леонид посмотрел на него и не удивился. Это было то, о чём они оба думали, но никогда не говорили вслух. «Я тоже», — ответил Леонид. Они не стали строить планов. Они просто знали, что это случится. Когда-нибудь.

Время шло. Осень сменялась зимой, зима весной, и Леонид всё чаще замечал, что отец стал ещё тише, мать — ещё бледнее, а дом — ещё холоднее. Он не знал, что в этом доме он проживёт недолго. Что однажды ночью проснётся от запаха дыма, а через несколько часов не останется ничего — ни стен, ни крыши, ни голоса матери, которая никогда не говорила ему, что она его любит. Он не знал. Он просто жил, как живут все в этом селе — ждал, когда что-то случится, и боялся, что ничего не случится. А оно уже случилось. Просто никто не сказал ему об этом.

ГЛАВА 2

Он не помнил, как вышел из села. Было утро, серое и холодное, когда он открыл глаза на земле, покрытой инеем. Он лежал на животе, прижавшись щекой к мёрзлой траве, и чувствовал, как тело дрожит от холода. Всё болело. Грудь, голова, ноги, даже пальцы, которые он не чувствовал уже несколько часов. Леонид приподнялся на локтях, осмотрелся и понял, что не знает, где находится. Вокруг был лес. Густой, чёрный, с голыми ветвями, которые тянулись к небу, как сломанные пальцы. Земля под ногами была влажной, покрытой прошлогодними листьями и мелким снегом, который выпал ночью и ещё не растаял. Леонид попытался встать, но ноги не слушались. Он упал обратно на колени, схватившись за ствол ближайшего дерева, и замер. Он вспомнил. Дом. Огонь. Крики, которые он никогда не слышал раньше. Отец, который пытался войти в горящую комнату, и мать, которая выбежала на крыльцо с мокрым полотенцем в руках, но уже не могла никого спасти. Леонид видел это. Он стоял на улице, босиком, в одной рубашке, и смотрел, как пламя пожирает его комнату, его кровать, его книги, его игрушки, которые он не любил, но которые были его. Всё это исчезло за несколько минут. А потом дом рухнул, и наступила тишина. Соседи стояли вокруг, молчали и смотрели. Кто-то держал ведро, кто-то — лопату, но никто не пытался тушить пожар. Все знали: когда дом горит так, его уже не спасти. Леонид видел их лица. Серые, уставшие, почти равнодушные. Они смотрели на него, но никто не подошёл, не обнял, не сказал «иди к нам». Он был один.

Он не знал, как оказался в лесу. Может быть, он побежал, когда увидел, что последнее бревно рухнуло в огонь. Может быть, он просто ушёл, и никто не остановил его. Теперь он стоял на коленях, держась за ствол дерева, и пытался понять, что делать дальше. У него не было ни денег, ни еды, ни тёплой одежды. Он был в том, в чём выбежал — старая рубашка, тонкие штаны, босые ноги. Иней на земле не таял, и каждый шаг отдавался болью в пятках, но он не мог остановиться. Если он остановится, он замёрзнет. Если он замёрзнет, он умрёт. А умирать он не хотел.

Он пошёл вперёд, пробираясь между деревьями, не разбирая дороги. Лес был густым, и свет едва пробивался сквозь кроны. Ветки хлестали по лицу, оставляя на коже царапины, но он не чувствовал боли. Он думал о Павле. Павел должен быть в Краслево. Он знал это. Павел жил там, работал, дышал. И если кто-то мог помочь ему, то только Павел. Дорога в Краслево заняла несколько дней. Леонид не считал часы, он просто шёл, останавливаясь только тогда, когда ноги отказывались двигаться. Он пил воду из ручьёв, ел кору с деревьев и иногда находил грибы, которые, как он надеялся, не были ядовитыми. Ночевал он под открытым небом, прижимаясь к стволам деревьев, чтобы не замёрзнуть. На третью ночь он наткнулся на заброшенную хижину. Она стояла на краю леса, почти скрытая плющом, но дверь была открыта. Леонид вошёл внутрь и упал на земляной пол. Заснул он мгновенно, не чувствуя ни холода, ни голода, ни боли. Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо. «Ты живой?» — спросил чей-то голос. Леонид открыл глаза и увидел человека. Старого, с седой бородой, в выцветшей телогрейке, с ружьём за спиной. Он смотрел на Леонида настороженно, но без злобы. «Я...» — начал Леонид, но голос его сорвался. «Тебя зовут как?» — спросил старик. «Леонид». Старик долго молчал. Потом кивнул. «Я — дед Архип. Живу в Краслево. Ты оттуда?» — «Я ищу друга, — сказал Леонид. — Павла Журавлёва». — «Павла Журавлёва?» — переспросил Архип. — «Знаю такого. Говорят, он работает на лесопилке. Я провожу тебя». Они вышли из хижины на рассвете. Леонид смотрел, как старик идёт впереди, опираясь на палку, и впервые за несколько дней почувствовал что-то похожее на надежду. Наверное, это и есть спасение, подумал он. Не тогда, когда кто-то решает твою судьбу, а когда просто появляется человек, который говорит: «Я провожу тебя».

Дед Архип не говорил лишнего. Он шёл впереди, опираясь на палку, и иногда останавливался, чтобы подождать Леонида. Старик знал лес как свои пять пальцев: он обходил болота, срезал петли троп, и через несколько часов они вышли на дорогу, которая вела в посёлок. Краслево оказалось больше села, но ненамного. Несколько улиц с деревянными домами, магазин с облупившейся вывеской, лесопилка на окраине. В воздухе пахло смолой и дымом, а с дороги было видно, как за домами поднимаются холмы, поросшие соснами. Леонид шёл за стариком, оглядываясь по сторонам, и пытался запомнить каждую деталь. «Вот мой дом», — сказал Архип, останавливаясь у покосившегося забора. — «Заходи». Дом был маленьким, но аккуратным. Внутри пахло сухими травами и старой древесиной. У печи стоял стол, покрытый выцветшей скатертью, на стенах висели пучки трав и старые фотографии в потёртых рамках. Архип снял телогрейку, повесил её на гвоздь, а потом повернулся к Леониду. «Ты голоден?» Леонид не мог ответить. Он стоял в дверях, чувствуя, как ноги подкашиваются от усталости, а в горле стоит ком. Вдруг он понял, что не ел уже несколько дней. И не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал тепло. «Я...» — начал он. «Садись», — сказал Архип. — «Щи есть. Хлеб. Поешь — поговорим». Леонид сел на лавку, и старик поставил перед ним миску с дымящимся супом. Леонид не помнил, чтобы ему когда-либо что-то казалось таким вкусным. Он ел жадно, не поднимая головы, чувствуя, как тепло разливается по груди, как перестают дрожать руки, как возвращается способность думать.

Когда он поднял голову, Архип сидел напротив него и молчал. «Почему ты мне помогаешь?» — спросил Леонид. «Почему тебе помогать?» — переспросил Архип. — «Потому что ты — человек. И потому что я тебя встретил. Всё». Леонид хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Он просто кивнул. На следующий день Архип показал ему лесопилку. Она стояла на краю посёлка, обнесённая высоким забором, и внутри неё гудели пилы. Вокруг валялись доски, опилки и обрезки. От запаха свежего дерева у Леонида закружилась голова. «Здесь работает Павел», — сказал Архип. — «Ты иди, я поговорю с бригадиром». Леонид ждал у ворот, сжимая пальцами ржавую сетку. Через несколько минут к нему вышел Павел. Он почти не изменился — такой же худой, с живыми глазами, которые, казалось, видели больше, чем говорили. «Леонид?» — спросил Павел, останавливаясь в нескольких шагах. — «Ты... откуда ты здесь?» — «Я сбежал», — сказал Леонид». Павел не стал уточнять. Он подошёл ближе, положил руку на плечо Леонида и сказал: «Теперь ты здесь». Леонид не заплакал. Он просто стоял и смотрел на друга, чувствуя, как внутри него что-то медленно отпускает. Он не знал, что будет дальше, но впервые за несколько дней он знал, что он не один.

На лесопилке было шумно. Гул пил, стук молотков, лязг металла и крики рабочих, которые перекрывали друг друга, создавая тот самый особый ритм, в котором чувствовалась жизнь. Леонид стоял у входа, сжимая в руках лопату, которую ему дали, и не знал, куда себя деть. «Ты слышишь меня?» — рядом оказался мужик в засаленной спецовке, с лицом, покрытым опилками и потом. — «Начинай с той кучи. Сгребай опилки в ящики. Не торопись, но и не останавливайся». — «Хорошо», — ответил Леонид. Кучей оказалась гора древесных отходов высотой с него самого. Опилки смешались с землёй, кусками коры и мелкими обрезками, которые было трудно поддеть лопатой. Леонид взялся за работу и, уже через полчаса понял, что руки его не были привычны к такому труду. Он сбил ладони в кровь, неловко хватая лопату, а спина заныла от того, что он слишком низко наклонялся. Но он не останавливался. Ему нужно было быть полезным. В Краслево, как он успел понять, никто не кормит просто так. Павел работал рядом, строгал доски, и время от времени поглядывал на Леонида. Когда наступил обед, он подошёл и протянул кусок хлеба с салом. «Ешь», — сказал он. «У меня руки...» — начал Леонид, показывая окровавленные пальцы. Павел посмотрел на его руки и ничего не сказал. Он просто вытащил из кармана старый носовой платок и передал ему. «Замотай. На завтра привыкнешь». Леонид кивнул. Они сидели на бревне в тени старого ангара и жевали хлеб. Вокруг них гудела лесопилка, пахло смолой и горячим железом. Рабочие разговаривали

о погоде, о ценах, о бригадире, который иногда задерживал зарплату. Павел молчал. «Почему ты не уехал?» — спросил вдруг Леонид. Павел посмотрел на него и пожал плечами: «Не знаю. Думаю, уехать — это не всегда значит быть свободным. Можно уехать, а остаться там же. Я не хочу оставаться там же». Леонид не ответил. Он понимал. На второй день он работал быстрее. Руки уже не так болели, хотя ладони оставались красными. На третий день его перевели на сортировку досок — он откладывал бракованные, которые шли на переработку. Это была более спокойная работа, но требовала внимания. Пальцы начали привыкать к грубому дереву. Через неделю он впервые почувствовал себя частью этого места. На лесопилке его называли по имени, иногда давали подвезти на телеге, а однажды один из рабочих, тот самый мужик в засаленной спецовке, хлопнул его по плечу и сказал: «Молодец. Из тебя выйдет работяга». И Леонид почти поверил в это. Но по ночам ему снился огонь. Он просыпался в холодном поту, смотрел в чёрный потолок и вдыхал запах дыма, которого на самом деле не было. Он садился на кровати, сжимал одеяло и дышал, пока сердце не переставало биться как бешеное. И в эти моменты он чувствовал себя не по-настоящему живым. Скорее — существующим. Как те доски, которые он перебирал. Без души, но с формой. Когда он рассказал об этом Архипу на третью неделю, старик долго молчал. Потом погладил бороду и тихо сказал: «Ты — не доска, Леонид. Ты — человек. А человек в огне не горит без остатка. Часть всегда остаётся. И эта часть может начать всё заново». Леонид не понял этих слов до конца. Но он их запомнил.

Это началось случайно. На лесопилке часто ломались механизмы. Транспортёр, пила, старый двигатель, который гудел, как больной зверь, и иногда останавливался без всякой причины. Обычно его чинил механик, но однажды он заболел, и бригадир оглядел рабочих и спросил: «Кто-нибудь знает, как это работает?» Никто не ответил. Леонид стоял в стороне, сжимая в руках лопату, и смотрел на двигатель. Он видел его каждый день. Слышал его гул, замечал, как он дёргался перед тем, как заглохнуть. И вдруг он понял, что знает, в чём дело. Не потому, что он разбирался в механизмах. Просто он наблюдал. «Можно я попробую?» — спросил он. Бригадир скептически посмотрел на него, но кивнул: «Давай. Всё равно хуже не будет». Леонид подошёл к двигателю, разглядывая панель. Он не знал названий деталей, но чувствовал, что проводка ослабла, а контакты забились опилками. Он начал осторожно очищать их, подтянул винты, проверил соединения. Через десять минут он нажал кнопку включения — двигатель загудел ровно, без перебоев. Все замолчали. Бригадир подошёл, посмотрел на двигатель, потом на Леонида и спросил: «Как ты это сделал?» — «Я просто смотрел, — ответил Леонид. — Он каждый день работал иначе. Сегодня он работал плохо». С этого дня к нему начали относиться иначе. Иногда его звали, когда ломались простые механизмы, и он быстро находил причину. Он не мог объяснить, как он это делает. Просто смотрел — и видел. В свободное время Леонид начал читать. В доме Архипа были старые книги — потрёпанные тома по физике, математике, астрономии. Они лежали на полке и покрывались пылью. Архип говорил, что это осталось от его отца, но сам он никогда не открывал их. Леонид начал читать по вечерам, когда возвращался с лесопилки. Сначала он ничего не понимал. Слова были сложными, формулы казались абстрактными, а чертежи выглядели как тайнопись. Но он читал. Снова и снова, пока образы не начали складываться в его голове. Он представлял себе электричество, текущее по проводам, тепло, распространяющееся по металлу, и пространство, которое можно искривить, если знать, как. Ему нравилось думать о механизмах. Они были честными. В них не было лжи. Если что-то работало, оно работало. Если нет — причина всегда была в деталях. И Леонид умел находить эти детали. Однажды, когда он сидел на крыльце дома Архипа и читал о гравитации, к нему подошёл Павел. «Зачем тебе это?» — спросил он, кивнув на книгу. Леонид поднял голову и задумался: «Не знаю. Просто хочу понять, как всё устроено». — «Как что?» — спросил Павел. «Всё, — ответил Леонид. — Мир. Время. Почему мы здесь». Павел ничего не сказал. Он сел рядом, и они долго сидели молча, глядя на тёмное небо над Краслево. Где-то в лесу ухал филин, и лесопилка уже не гудела — она затихла вместе с вечером. «Я тоже хочу знать,

— сказал наконец Павел. — Но мне кажется, я никогда не узнаю». «Может быть, — ответил Леонид. — Но если я не попробую, я не узнаю точно». Павел усмехнулся и похлопал друга по плечу. Они не говорили больше об этом в тот вечер, но Леонид чувствовал, что разговор был важным. Это было первое, что он сказал вслух о своём желании понять мир. Он ещё не знал, что это желание приведёт его к катастрофе, к потере зрения, к чипу и к машине времени. Он не знал, что его поиски приведут к разрушению всего, что он построит. Но в тот момент, сидя на крыльце старого дома в Краслево, он чувствовал только одно: он на правильном пути.

Лесопилка жила по своему расписанию. На рассвете — гул машин, в обед — короткая тишина, после обеда — снова гул. Леонид привык к этому ритму, как привыкают к дыханию. Он знал, когда пахнет опилками, когда смолой, когда машинным маслом. Он знал, по звуку, когда пила тупится, а когда двигатель перегревается. Работа стала для него не обязанностью, а продолжением жизни. Иногда он ловил себя на том, что стоит посреди цеха и просто смотрит на вращающиеся шестерни, на движение ремней, на то, как механизмы взаимодействуют друг с другом. Ему нравилось это зрелище. Однажды механик — тот самый, который заболел — вернулся и с удивлением заметил, что двигатель работает лучше, чем до его ухода. «Кто это сделал?» — спросил он у бригадира. «Тот новичок», — ответил тот, кивнув на Леонида. Механик подошёл к Леониду, когда тот складывал доски. «Ты разбираешься в механизмах?» — «Нет, — ответил Леонид. — Просто смотрю». — «Ты смотришь на механизмы, — повторил механик. — И знаешь, что с ними делать?» — «Они ломаются по-разному, — сказал Леонид. — Но всегда есть причина. Я её вижу». Механик некоторое время смотрел на него, потом кивнул: «Если хочешь, приходи ко мне в мастерскую после работы. Покажу, как это работает по-настоящему». Так Леонид начал проводить вечера в мастерской. Здесь было тесно, пахло маслом и нагретым металлом, и стояли старые станки, которые механик чинил для себя. Он показывал Леониду, как работают карбюраторы, как устроены подшипники, как регулируются ремни. Леонид слушал, запоминал и задавал вопросы. «Почему одна шестерня вращается быстрее другой?» — спрашивал он. «Потому что они разного размера», — отвечал механик. «А если я изменю размер?» — «Тогда изменится скорость». — «Значит, всё можно предсказать?» — «Всё можно рассчитать, — поправил механик. — Но не всегда». Леонид начал вести записи. Сначала в старом блокноте, который нашёл в доме Архипа, потом на обрывках бумаги. Он зарисовывал механизмы, записывал числа и вычислял, как изменится работа узла, если изменить один параметр. Ему это нравилось. Это было похоже на головоломку, которую он мог решить. Он читал книги по физике, которые дал ему Павел. Они были простыми, почти школьными, но в них было объяснение. «Почему происходит падение тел?» — «Под действием гравитации». «Как возникает электричество?» — «Из-за разности потенциалов». Леонид запоминал, проверял на практике и находил подтверждение. По вечерам он сидел в комнате Архипа, при свете керосиновой лампы, и рисовал схемы. Иногда он задерживался до глубокой ночи, пока глаза не начинали слипаться. Он не знал, зачем ему это. Но он чувствовал, что должен знать. Должен понять, как устроен мир, который сломал его. Однажды Архип застал его за этим занятием. «Что ты делаешь?» — спросил он, глядя на исписанный лист бумаги. «Пытаюсь понять, — ответил Леонид. — «Что именно?» — «Как работает мир». Архип долго молчал. Потом подошёл к шкафу, достал оттуда старую книгу и положил рядом с Леонидом. «Это „Элементы“ Евклида. Мой отец говорил, что это основа всего. Я не понимал, что он имел в виду. Может, ты поймёшь». Леонид открыл книгу. В ней были линии и углы, теоремы и доказательства. Он прочитал первую главу, потом вторую, потом третью, задерживаясь на каждой странице, чтобы понять, что написано. И впервые за долгое время он не чувствовал себя потерянным. Он чувствовал, что мир можно понять. Нужно только не бояться смотреть на него прямо.

Это началось с вопроса, который он задал себе однажды вечером, сидя над книгой по физике. Он читал о том, как свет движется, как пространство искривляется под действием массы, и вдруг понял: если пространство можно изменять, значит, можно изменять и время?

Или время — это просто ещё одно измерение, которое подчиняется тем же законам? Он закрыл книгу и долго сидел неподвижно, глядя на рисунок, изображающий луч света, проходящий мимо звезды. На рисунке луч изгибался. Если свет изгибается, значит, пространство не является неизменным. А если пространство меняется — может ли время быть постоянным? Он перечитал абзац несколько раз. Потом перечитал ещё раз. Эту ночь он не спал. Он сидел за столом, исписывая страницу за страницей, пытаясь набросать на бумаге то, что не мог выразить словами. Он представлял себе время как реку, которая течёт по одному руслу. Но если можно изменить течение реки — построить плотину, вырыть новый канал, — то почему нельзя изменить течение времени? Может быть, время — это не река. Может быть, это океан, и его можно пересечь в любом направлении. На следующий день он пришёл на лесопилку с красными от усталости глазами. Механик заметил это и спросил: «Ты не спал?» — «Я думал о времени, — ответил Леонид». — «О чём?» — «О том, можно ли его изменить. Вернуться в прошлое. Или заглянуть в будущее». Механик посмотрел на него так, будто увидел впервые. Он не засмеялся. Он просто сказал: «Время — это единственное, что нельзя починить». Леонид хотел возразить, но промолчал. Он не знал, как объяснить то, что чувствовал. Но внутри него уже росла уверенность: если мир можно понять, значит, его можно и изменить. А если можно изменить мир, то можно изменить и время. Через несколько дней он найдёт в библиотеке Краслево старую книгу по астрономии. В ней говорилось о том, что звёзды — это не просто точки на небе, а огромные объекты, которые влияют на пространство вокруг себя. И если пространство можно искривить, то, возможно, можно создать «проход» через него. Леонид запомнил слова: «Теоретически возможно существование так называемых „червоточин“ — участков пространства, соединяющих разные точки реальности». Он не знал, что такое «червоточина», но ему нравилось само слово. Оно звучало как дверь. С этого дня он начал собирать информацию. Он читал всё, что попадалось ему под руку: книги по физике, статьи из старых журналов, заметки, оставленные людьми, которых уже не было в живых. Он делал наброски механизмов, которые могли бы создавать такие «проходы». Он не знал, возможно ли это, но он знал, что должен попробовать. Павел заметил изменения в Леониде. Однажды он сказал: «Ты стал другим. Раньше ты просто смотрели на мир. Теперь ты пытаешься его переделать». Леонид усмехнулся: «Я просто хочу знать, можно ли вернуться назад». — «Вернуться назад? — спросил Павел. — Зачем?» Леонид не ответил. Он не знал, как объяснить, что ему нужно исправить прошлое — не потому что он сожалеет о нём, а потому что он чувствует, что оно неправильное. Он должен был сделать что-то другое. Но он не знал, что именно. Он просто продолжал читать и думать. И ждать.

Работа на лесопилке стала для Леонида не просто способом выжить, а необходимостью. Он знал, что если его уволят, он потеряет не только заработок, но и единственное место, где его терпели. А терпели его не за ум, а за то, что он не отлынивал. Леонид вставал затемно, когда небо ещё было чёрным, и шёл на лесопилку. Он не любил это время суток — холод, тишину и пустые улицы, которые казались ему призраками Краслево. Но он шёл. Он знал, что если пропустит хотя бы один день, его место займёт кто-то другой. Он не мог этого допустить. Лесопилка встречала его гулом двигателей и запахом свежей древесины. Работа была однообразной: распиловка, сортировка, упаковка. Но Леонид находил в этом своё утешение. Механизмы были честными. Они не требовали от него объяснений, не смотрели на него с осуждением. Они просто работали — если за ними правильно ухаживать. Он стал мастером по починке мелких поломок. Когда пила начал скрипеть, когда двигатель глох или транспортер заедал, рабочие звали Леонида. Он подходил, смотрел, слушал и через несколько минут находил причину. Он делал это без лишних слов, не требуя благодарности. Он знал: если он будет полезен, его не тронут. Но внутри него продолжали зреть вопросы. Они не давали ему покоя, даже когда он стоял по колено в опилках или шёл домой в темноте. Они всплывали в его голове, когда он засыпал, и возвращались, когда он просыпался. «Что такое время? Можно ли его изменить? Почему мы не можем вернуться в прошлое?» Он не делился этими мыслями

с другими. Он знал, что его сочтут сумасшедшим. В Краслево не было места для таких идей. Здесь ценили работу, а не размышления. И Леонид работал. Вечерами он возвращался в дом Архипа, садился за стол и раскрывал книги. Он уже не просто читал — он пытался понять, как устроена структура реальности. Он записывал мысли в тетрадь, которые не были похожи на научные изыскания. Это были скорее заметки человека, который пытается нащупать путь в темноте. «Если пространство можно искривить, значит, время тоже должно поддаваться изменению. Вопрос лишь в том, как найти точку опоры». Он перечитывал свои записи, исправлял, переписывал заново. Ему казалось, что ответ где-то близко, но он не мог его ухватить. Он чувствовал, что ему не хватает знаний, но он не знал, где их взять. Однажды Архип застал его за этим занятием и спросил: «Ты что пишешь?» — «Мысли, — ответил Леонид». — «О чём?» — «О времени». Архип долго молчал. Потом сказал: «Время — это не то, что можно потрогать. Оно не даётся в руки. Но ты можешь его чувствовать». — «Как?» — спросил Леонид. «Когда ты смотришь на закат, — ответил Архип. — Ты чувствуешь, что он уходит. И ты не можешь его вернуть. Это и есть время». Леонид задумался. Он никогда не смотрел на закат как на что-то, что можно изменить. Он просто наблюдал. Может быть, ответ был не в том, чтобы изменить время, а в том, чтобы понять его природу. В ту ночь он заснул поздно, перечитывая свои записи, и впервые за долгое время почувствовал, что приближается к чему-то важному.

Краслево умирало медленно. Не от катастрофы, не от войны, а от того, что люди просто переставали в нём нуждаться. Лесопилка ещё гудела, но уже не так громко. В магазине на главной улице всё чаще не хватало хлеба. Молодёжь уезжала в город, оставляя пустые дома, которые тихо ветшали на глазах. Леонид чувствовал это, когда шёл на работу. Улицы становились длиннее, хотя домов вроде бы не убавлялось. Ему казалось, что посёлок выдыхается, как старый двигатель, который вот-вот заглохнет навсегда. Он не знал, что чувствовать. Краслево не было его родным местом. Он пришёл сюда беглецом и остался случайно. Но это место дало ему крышу, работу и Архипа. И теперь, когда оно угасало, он чувствовал, как внутри него затягивается что-то тёплое. Может быть, это была благодарность. Может быть, страх перед тем, что он снова останется один. Однажды Архип вернулся домой позже обычного. Он сел на лавку и долго молчал, глядя в одну точку. Леонид не решался нарушить тишину. «Нашу улицу хотят снести, — сказал наконец Архип. — Всю. Под расчистку». — «Зачем?» — спросил Леонид. «Говорят, здесь будет проходить новая дорога. А наши дома — как кости, которые мешают. Их уберут, и никто не вспомнит, что здесь кто-то жил». Леонид не знал, что сказать. Он смотрел на руки Архипа, которые лежали на столе — старые, с узловатыми пальцами, покрытые шрамами от работы. Эти руки строили этот дом, держали палку, когда он вёл Леонида через лес. И теперь они просто лежали, как будто сдались. «Что ты будешь делать?» — спросил Леонид. «Ничего, — ответил Архип. — Я слишком стар, чтобы строить заново. А ты — ты должен уехать». — «Я не уеду». — «Уедешь, — сказал Архип. — Ты не должен умирать вместе с этим местом». Леонид хотел возразить, но слова застряли в горле. Он знал, что Архип прав. Краслево больше не было местом, где можно было остаться. Оно превращалось в тень. В последующие недели посёлок начал пустеть. Дома закрывались, окна заколачивались досками, и в воздухе пахло пылью и запустением. Лесопилка работала всё тише, и Леонид слышал, как бригадир говорил, что скоро её тоже закроют. Он продолжал читать по вечерам. Книги по-прежнему были его убежищем. Но теперь он чувствовал, что время уходит. Он должен был что-то сделать, прежде чем Краслево исчезнет окончательно. Он начал набрасывать чертежи. Не машины времени, нет — он ещё не был готов к этому. Он просто пытался понять, как устроены механизмы, которые могли бы работать дольше, чем этот посёлок. Однажды, когда он сидел на крыльце дома Архипа, к нему подошёл Павел. «Ты знаешь, что я уезжаю?» — спросил он. «Нет, — ответил Леонид». — «Отец нашёл работу в городе. Мы переезжаем через неделю». Леонид кивнул. Он не удивился. Он знал, что это случится. Он просто надеялся, что это случится не так скоро. «Ты остаёшься?» — спросил Павел. «Не знаю, — сказал Леонид. — Пока есть, куда идти».

Павел посмотрел на него и ничего не сказал. Он просто положил руку на плечо Леонида, как делал это много раз раньше. И ушёл.

Архип умер через месяц после того, как Павел уехал. Это случилось ранним утром, когда Леонид вернулся с лесопилки, которая уже почти не работала. Он открыл дверь и понял, что в доме тихо. Не той тишиной, когда старик сидел у печи и молчал, а той, которая бывает, когда в доме никого нет. Архип лежал на лавке, накрытый старым одеялом. Лицо его было спокойным, руки сложены на груди. Он умер во сне. Леонид стоял в дверях и смотрел на него, чувствуя, как внутри него что-то сжимается. Он не плакал. Он просто стоял и смотрел. Похороны были тихими. Пришло несколько человек из Краслево — те, кто ещё не уехал. Они вырыли могилу на холме, откуда был виден дом Архипа, и опустили гроб в землю. Леонид стоял рядом, держа в руках комок земли, и смотрел, как его засыпают. Он не знал, что чувствовать. Архип был для него не просто дедом, который приютил его. Он был первым человеком, который не спросил «зачем ты здесь». Он просто сказал «садись» и дал ему хлеб. Теперь его не было. Через неделю Леонид собрал свои вещи. Их было немного: старая одежда, несколько книг, которые он взял из библиотеки, тетради с записями и мешочек с деньгами, которые он откладывал с каждой зарплаты. Он стоял посреди комнаты, глядя на пустые стены, и чувствовал, как Краслево отпускает его. Он вышел на крыльцо и закрыл дверь. Дом Архипа оставался стоять, как памятник тому, что было. Но Леонид знал, что возвращаться не будет. Дорога в город заняла два дня. Он шёл пешком, останавливаясь на ночлег у дороги. Впервые за долгое время он чувствовал, что движется не от чего-то, а к чему-то. Город встретил его шумом и запахом бензина. Здесь было много людей, машин, огней. Леонид стоял на вокзальной площади, сжимая в руках потрёпанный рюкзак, и чувствовал, как внутри него поднимается что-то новое. Он не знал, что будет дальше. Но знал, что теперь всё зависит только от него.

ГЛАВА 3

Город встретил его шумом и запахом бензина. Здесь было много людей, машин, огней. Леонид стоял на вокзальной площади, сжимая в руках потрёпанный рюкзак, и чувствовал, как внутри него поднимается что-то новое. Он не знал, что будет дальше, но знал, что теперь всё зависит только от него.

Он снял комнату в дешёвом хостеле на окраине. Комната была маленькой, с продавленным матрасом и запахом сырости, но она давала ему крышу над головой. По ночам он лежал на кровати, глядя в потолок, и думал о том, что он должен найти работу.

Он обходил мастерские, стройки, магазины. Он не искал лёгкой работы — он искал ту, которая даст ему деньги и свободное время по вечерам. Но везде его встречали холодно: «Опыт есть?» — «Нет». — «Тогда нам не подходишь».

Через неделю он почти отчаялся. Он сидел в парке на скамейке, держа в руках последние деньги, и пытался понять, что делать дальше. И в этот момент он увидел её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.